ГУАША.

Отрывокъ изъ Записокъ Н. С. Мартынова.

Въ 1837 году я отпросился волонтеромъ кавалергардскаго полка на Кавказъ, для участвованія въ экспедиціи противъ горцевъ, проектированной на правомъ флангѣ Кавказской линіи. Сборнымъ пунктомъ для отряда былъ назначенъ Ольгинскій постъ [1]). Устроивъ наскоро свое походное хозяйство въ Ставрополѣ, я отправилъ оттуда впередъ купленныхъ мною вьючнаго верблюда и верховую лошадь, приказавъ Калмыку, который былъ нанятъ для ухода за ними, слѣдовать какъ можно поспѣшнѣе въ дѣйствующій отрядъ; самъ же выѣхалъ тремя днями позже на перекладной.

Пріѣздъ мой въ Ольгинское весьма обрадовалъ моихъ гвардейскихъ товарищей. По обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ меня, я оставилъ Петербургъ гораздо позднѣе ихъ, а потому они были въ правѣ разсчитывать, что получатъ чрезъ меня самыя свѣжія извѣстія о своихъ знакомыхъ и родныхъ. Удовлетворивъ по возможности любопытству каждаго, я, въ свою очередь, отнесся къ нимъ съ вопросомъ: «Ну, а вы что̀ тутъ подѣлываете? Какъ живете на Кавказѣ?»

— Ничего, жить можно: почва благодатная, отвѣтилъ мнѣ Монго Столыпинъ, слегка подмигивая глазомъ и кивня головой на Долгорукаго [2]). Вотъ Долгорукій ужъ успѣлъ здѣсь влюбиться!

— Да полно же, Монго! Какъ тебѣ не стыдно порочить мое чистое, безкорыстное чувство, клеймя его этимъ пошлымъ названіемъ, замѣтилъ почти съ упрекомъ сей послѣдній.

— А какъ же прикажешь называть твое чистое, безкорыстное чувство? Вѣдь она дѣвушка? Да еще и прехорошенькая дѣвушка!

— Нѣтъ, она ребенокъ, тихо и грустно произнесъ Долгорукій; потомъ, съ необыкновенною живостью обратясь ко мнѣ и схвативъ меня за руку, онъ шепотомъ прибавилъ: «Представь себѣ, Мартыновъ, вѣдь ей только 11 лѣтъ! Но что̀ это за дивное и милое созданье!» И взглядъ его при этихъ словахъ былъ полонъ невыразимой нѣжности.

— Здѣсь, князь, въ 11 лѣтъ дѣвушекъ замужъ выдаютъ, сердито проворчалъ разжалованный Штольценвальдъ. Не забудьте, что мы здѣсь не въ Россіи, а на Кавказѣ, гдѣ все скоро созрѣваетъ.

---

[1]) Укрѣпленіе въ Черноморіи, на лѣвомъ берегу Кубани, верстахъ въ 80-ти отъ Екатеринодара.

[2]) Это былъ если не ошибаемся, князь Александръ Николаевичъ Долгорукій (род. 1819), убитый 27 Іюня 1842 на поединкѣ княземъ Яшвиломъ. П. Б.

— Да растолкуйте мнѣ, ради Бога, господа, о комъ у васъ идетъ рѣчь? Я ровно ничего не понимаю, и кто такая эта дѣвушка, и почему вы всѣ ее знаете? обратился я съ вопросомъ ко всѣмъ присутствующимъ.

Тутъ мнѣ разсказали, что недалеко отъ Ольгинскаго укрѣпленія, на лѣвомъ берегу Кубани, есть мирнôй аулъ, куда всѣ офицеры наши ѣздятъ закупать себѣ разныя Кавказскія произведенія. Случайно увидѣли они тамъ молодую Черкешенку необыкновенной красоты: на ней не было чадры а потому имъ удалось вполнѣ разглядѣть черты ея лица. Національный костюмъ ея, а равно и внутреннія украшенія сакли, отличались изящностью и нѣкоторою роскошью, недоступной для большинства мѣстныхъ жителей. По всему замѣтно было, что она принадлежитъ къ аристократическому семейству. Отецъ ея, офицеръ Русской службы, находился въ то время съ милиціей на лѣвомъ флангѣ, въ отрядѣ генерала Фезе.

Съ такою обстановкой и столь заманчивою вывѣской, какъ эта хорошенькая дѣвушка, понятно, что торговля дома должна была процвѣтать. Дѣйствительно, въ нѣсколько дней офицеры наши закупили у хозяевъ все, чтò только было на лицо въ саклѣ. Разсчетъ ихъ при этомъ былъ самый вѣрный: они весьма хорошо понимали, что когда не останется болѣе ничего для продажи, отъ нихъ станутъ принимать, заказы, а заказы неизбѣжно поведутъ къ сближенію: установятся ежедневныя сношенія съ ауломъ, а имъ только того и хотѣлось. Въ моментъ моего прибытія въ отрядъ можно положительно сказать, что кружокъ, къ которому принадлежали мои товарищи, уже пустилъ корни въ аулѣ; въ какое угодно время дня, непремѣнно ужъ кто-нибудь изъ нашихъ да тамъ находился: одинъ привозилъ сукно на черкеску, другой выбиралъ галуны или примѣривалъ башлыкъ; однимъ словомъ, работа шла безостановочная. Я пожелалъ знать, на какомъ языкѣ они объясняются съ своею красавицей. Мнѣ отвѣчали, что она понимаетъ нѣсколько словъ по-русски, да сверхъ того, въ затруднительныхъ случаяхъ, призываетъ на помощь Джелыма, одного изъ крѣпостныхъ работниковъ ея отца, который говоритъ по-хохлацки довольно бойко.

Съ перваго дня, какъ увидѣлъ Долгорукій Гуашу (такъ называли молодую Черкешенку), онъ почувствовалъ къ ней влеченіе непреодолимое; но чтò всего страннѣе, и она, съ своей стороны, тотчасъ же его полюбила. Выражала она эту любовь совершенно по своему, безъискусственно и просто, какъ было просто и безъискусственно все ея обхожденіе; но даже и въ самыхъ мелочахъ было замѣтно предпочтеніе, которое она оказывала ему предъ другими его товарищами. Для всѣхъ она была только привѣтлива, для него одного ласкова. Бывало,

подойдетъ къ нему, возьметъ его за руку и долго, долго смотритъ ему въ глаза; потомъ вздохнетъ и сядетъ возлѣ него. Случалось, напротивъ, что, въ порывахъ шумной веселости, она забѣжитъ къ нему сзади, схватитъ его неожиданно за голову и, крѣпко поцѣловавъ, зальется громкимъ смѣхомъ. И все это происходило на глазахъ у всѣхъ: она не выказывала при томъ ни дѣтской робости, ни женской стыдливости, не стѣсняясь даже нисколько присутствіемъ своихъ домашнихъ.

Все мною слышанное крайне удивляло меня: я не зналъ, какъ согласить въ умѣ своемъ столь вольное обращеніе дѣвушки съ тѣми разсказами о неприступности Черкесскихъ женщинъ и о строгости ихъ нравовъ вообще, которые до тѣхъ поръ были въ большомъ ходу между нами. Впослѣдствіи я убѣдился, что эта строгость существуетъ дѣйствительно только для замужнихъ женщинъ, дѣвушки же у нихъ пользуются необыкновенною свободой.

Долгорукій часто привозилъ Гуашѣ незначительные подарки: когда купитъ для нея матеріи на бешметъ, въ другой разъ поднесетъ ей стеклянныя бусы или гармонію. Магазиновъ въ Ольгинскомъ укрѣпленіи не полагалось, а потому выборъ предметовъ поневолѣ ограничивался тѣмъ, что̀ можно было найти у духанщиковъ. Получивъ отъ него какую-нибудь вещь, она никогда не разсматривала ее, какъ это дѣлаютъ почти всѣ Азіатцы и даже многіе изъ Европейцевъ, но молча принимала подарокъ, благодарила за него искренно, хотя и съ достоинствомъ, нисколько, впрочемъ, не стараясь скрыть своего удовольствія, если вещь нравилась. Казалось, всѣ усилія ея клонились только къ тому, чтобы доказать, что она болѣе цѣнитъ вниманіе лица, чѣмъ его подарокъ. Подобная утонченность чувствъ среди дикости, ее окружающей, не могла пройти незамѣченной для моихъ товарищей. Они говорили мнѣ объ этомъ, какъ о странномъ явленіи, какъ бы о чудѣ природы, приводящемъ въ недоумѣніе и замѣшательство всѣ понятія ихъ касательно значенія нравственнаго воспитанія.

Одинъ пунктъ оставался для меня неразъясненнымъ: по словамъ товарищей моихъ, Гуаша была молодая дѣвушка, если еще не въ полномъ развитіи, то уже настолько созрѣвшая, что въ нее влюбиться было весьма возможно; Долгорукій же продолжалъ утверждать, что она была дитя, совершенное дитя, которое и любить и ласкать можно было только какъ ребенка. Я указалъ имъ на столь рѣзкое противорѣчіе. Поднялся шумъ, споръ нескончаемый и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не убѣдивъ никого: всякій остался при своемъ прежнемъ мнѣніи.

— Да что тутъ разсуждать по пустому, съ досадою сказалъ, наконецъ, Долгорукій; вѣдь ты поѣдешь съ нами въ аулъ?

— Еще бы! А ты думалъ, откажусь?

— Ну, тѣмъ и лучше. Тогда увидишь самъ, кто изъ насъ правъ: я не сомнѣваюсь, что ты присоединишься къ моему мнѣнію.

— Посмотримъ.

Ровно въ два часа подали намъ обѣдать; при этомъ, по Кавказскому обычаю, была устроена въ честь мою маленькая попойка, на которой меня заставили пить брудершафтъ со всѣми новыми товарищами. Изъ старыхъ я былъ особенно коротокъ только съ Столыпинымъ и съ Долгорукимъ; съ остальными же офицерами хотя и встрѣчался въ Петербургѣ, но не имѣлъ никогда близкихъ отношеній. Здѣсь кстати описать характеръ главнаго дѣйствующаго лица въ моемъ разсказѣ; я не говорю—героя романа, потому что въ сущности тутъ никакого романа и не было, а была грустная недоконченная исторія двухъ отдѣльныхъ существованій, изъ которой случайно я вырвалъ нѣсколько листковъ. Но не станемъ опережать событія: пусть драма сама развернется передъ нами, и безъ того развязка ея не далека.

Долгорукій былъ произведенъ въ офицеры въ конную гвардію за полтора года до отъѣзда его въ экспедицію. Принадлежа къ одной изъ лучшихъ Русскихъ фамилій, имѣя при томъ обезпеченное состояніе послѣ матери и блестящую карьеру впереди себя, казалось, все въ будущемъ этого человѣка должно было ему улыбаться. И дѣйствительно, первые шаги въ его жизни были необыкновенно счастливы: товарищи полюбили его, начальники отличали за неуклонное исполненіе службы и молодецкую удаль, которую онъ проявлялъ во всемъ; свѣтъ тоже принялъ его благосклонно, потому что онъ соединялъ въ себѣ всѣ условія, чтобы понравиться въ свѣтѣ: онъ былъ хорошо воспитанъ, имѣлъ веселый нравъ и неисчерпаемое добродушіе, при томъ никогда ни объ комъ дурно не отзывался и никому не завидовалъ, два качества весьма рѣдкія между людьми. Не бывъ особенно красивымъ, онъ нравился многимъ женщинамъ симпатичнымъ выраженіемъ лица, живостью характера и какой-то ребяческой откровенностью. Въ первыя двѣ зимы я очень часто встрѣчался съ нимъ въ свѣтѣ и между товарищами и отъ всего сердца полюбилъ его; но нигдѣ я такъ не оцѣнилъ доброту этого человѣка, какъ по пріѣздѣ его на Кавказъ. Тутъ открылось широкое поприще для его нравственной дѣятельности, арена, достойная возвышенной его души. Должно признаться, что въ этомъ отношеніи Кавказъ приноситъ огромную пользу нашимъ молодымъ офицерамъ: Петербургская среда портитъ людей; это, мнѣ кажется, аксіома, не требующая никакихъ доказательствъ. Какъ во всѣхъ большихъ центрахъ, въ Петербургскомъ свѣтѣ берутъ начало и развиваются всѣ тѣ мелкія страсти и пороки, которыми такъ страда-

етъ наше современное общество: эгоизмъ, тщеславіе, интриги, фанфаронство, вотъ обыкновенные спутники этого блестящаго ничтожества. Къ тому же, отъ постояннаго обращенія въ одной и той же средѣ, въ виду однихъ и тѣхъ же интересовъ, у людей суживается взглядъ на жизнь, составляется совершенно превратное и одностороннее сужденіе о достоинствахъ человѣка вообще. Для Петербургскаго юноши непонятно, напримѣръ, какъ можно быть въ тоже время очень порядочнымъ человѣкомъ и не умѣть говорить по-французски. Тутъ внѣшность овладѣваетъ всѣмъ; наружная форма беретъ перевѣсъ надъ внутреннимъ содержаніемъ. Но эта нравственная порча не коснулась Долгорукаго, онъ вышелъ чистъ и невредимъ изъ этого одуряющаго омута. Перенесенный почти мгновенно изъ блестящаго Петербургскаго общества на дикую Кавказкую почву, онъ сразу понялъ свое новое положеніе и оцѣнилъ по достоинству людей, его окружающихъ. Какъ часто мнѣ случалось видѣть его въ кругу настоящихъ, коренныхъ Кавказцевъ, съ какимъ уваженіемъ онъ относился тогда къ ихъ опытности, съ какимъ вниманіемъ и любопытствомъ выслушивалъ разсказы ихъ о прежнихъ экспедиціяхъ, о давно совершенныхъ ими походахъ. Въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ этими людьми какъ мало заботился онъ отличать ихъ по степени благовоспитанности или, какъ тамъ выражаются, наружной полировки.

Съ такой способностью къ разумному анализу, при томъ отдавая себѣ строгій отчетъ, въ какихъ обстоятельствахъ и при какихъ именно условіяхъ выработалась эта совершенно отдѣльная отъ міра Кавказская жизнь, понятно, что онъ долженъ былъ прійти къ сознанію, что все происходящее тамъ нисколько не похоже на остальную Россію и что судить объ этомъ краѣ или измѣрять достоинства людей въ немъ живущихъ на Петербургскій аршинъ не приходится.

Палатка его была всегда наполнена разжалованными, ссыльными политическими и разныхъ другихъ оттѣнковъ людьми, которыми такъ изобиловалъ Кавказскій край. Въ каждомъ разжалованномъ онъ видѣлъ прежде всего несчастнаго, которому слѣдуетъ пособить или матеріально или оказавъ ему нравственную поддержку; онъ не отвергалъ никого. Къ каждому была простерта рука его, и помощь, имъ подаваемая, являлась не въ видѣ милостыни, а предлагалъ онъ ее вмѣстѣ съ своей дружбой и утѣшеніемъ и теплымъ участіемъ товарища ко временнымъ невзгодамъ своихъ сослуживцевъ. Можетъ быть, случалось иногда, что нѣкоторые изъ этихъ господъ злоупотребляли его добротой, эксплоатировали ее недостойнымъ образомъ; но и тутъ, когда что либо подобное открывалось, Долгорукій не переставалъ защищать ихъ, старался всѣми средствами извинить въ глазахъ другихъ неблаговидность ихъ

поступковъ. Считаю излишнимъ прибавить, что гордость или высокомѣріе были бы несвойственны такому человѣку. Зато какъ и любили его всѣ Кавказцы, начиная отъ старшихъ, къ которымъ, можно сказать, онъ влѣзъ въ душу черезъ свое очаровательное обхожденіе и кончая послѣднимъ юнкеромъ или разжалованнымъ въ отрядѣ! Но возвратимся теперь къ моему разсказу.

Вечеромъ подвели къ палаткѣ нашихъ верховыхъ лошадей. Не смотря на усиленный переходъ, только что совершенный, мой сѣрый Кабардинецъ былъ какъ встрепанный; онъ весело озирался по сторонамъ и отмахивалъ длиннымъ хвостомъ своимъ кружившуюся въ воздухѣ мушкару. У Долгорукаго была маленькая вороная лошадка, необыкновенно красивая: тонкая шея ея лоснилась и блестѣла на солнцѣ, какъ будто вѣкъ была знакома съ скребницей; миніатюрная головка съ выпуклыми глазами и вздернутымъ носомъ являла въ себѣ всѣ признаки Арабской крови. Непривычному человѣку на первый взглядъ всѣ Черкесскія сѣдла кажутся слишкомъ малыми, точно дѣтскими; я испыталъ это на себѣ; но когда подвели къ намъ лошадь Столыпина, то здѣсь уже эта диспропорціональность въ самомъ дѣлѣ доходила до смѣшнаго: представьте себѣ Буцефала аршина въ три ростомъ, бѣлаго, какъ снѣгъ, широкихъ ладовъ, и при томъ до-нельзя раскормленнаго, и посреди его плоской, какъ крыша, спины лежало это Черкесское сѣдлецо, съ обшитой галунами сафьянной подушечкой; трудно было повѣрить, что человѣку предназначено сидѣть на немъ. Общество наше было довольно многолюдно. Вскочивъ въ сѣдло, мы помчались всѣ по направленію къ нашей передовой цѣпи, за которую выѣзжать днемъ было дозволено.

Долгорукій весьма скоро выучился ѣздить на Черкесскій манеръ: онъ былъ небольшого роста и отъ природы очень ловокъ. Я любовался имъ, какъ онъ джигитовалъ впереди насъ: то вдругъ, нагнувшись и привставъ на стремена, онъ пускалъ лошадь во весь опоръ, причемъ для особеннаго шику выставлялъ совершенно лѣвое плечо; потомъ на всемъ скаку однимъ поводомъ круто заворачивалъ назадъ своего скакуна и стремглавъ летѣлъ къ намъ Всѣ эти эволюціи были очень красивы и носили свой особенный характеръ Азіатской off ѣздки.

За цѣпью открылась передъ нами широкая поляна, окаймленная съ лѣвой стороны извилистымъ теченіемъ Кубани: берега ея поросли густымъ кустарникомъ: кое-гдѣ виднѣлись въ отдаленіи разбросанныя сакли ауловъ: ихъ бѣлыя стѣны отчетливо и ярко обрисовывались по темной зелени окружающаго лѣса.

Несмотря на раннее время года, трава была уже по поясъ: въ атмосферѣ чувствовалась какая-то влажность, и сильный запахъ отъ

полевыхъ цвѣтовъ ударялъ въ голову. Проѣхавъ версты двѣ по прямому направленію, мы взяли влѣво, и передъ глазами нашими открылся на самомъ берегу рѣки небольшой аулъ, раскинутый по косогору. Положеніе его было необыкновенно живописно: онъ весь казался въ зелени, какъ будто выросъ изъ земли вмѣстѣ съ деревьями. Почти возлѣ каждой сакли находился фруктовый садъ, все было въ цвѣту тогда; огромные вѣтвистые чинары красовались отдѣльно на небольшихъ площадкахъ; подъ тѣнь ихъ собирались праздные жители подышать вечернимъ воздухомъ. Со стороны, обращенной къ намъ, былъ выкопанъ довольно широкій ровъ, въ виду защиты отъ нападеній сосѣдей, и весь аулъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ на подобіе бруствера. Въ серединѣ, по въѣздѣ, находились широкіе дубовые ворота: днемъ ихъ обыкновенно оставляли открытыми, но на ночь всегда запирали и приставляли надежный караулъ. Переѣхавъ черезъ мостъ, мы направились немного влѣво, по узкой и извилистой улицѣ. Гуаша стояла на порогѣ сакли въ то время, какъ мы подъѣхали. Долгорукій ловко соскочилъ съ коня и, бросивъ поводья на шею своему вороному, подошелъ къ ней. «Вотъ, Гуаша, я привезъ къ тебѣ еще новаго братца», сказалъ онъ смѣясь и указывая на меня; «прошу полюбить его». Она внимательнымъ взглядомъ осмотрѣла меня съ ногъ до головы, какъ бы стараясь припомнить, не видѣла ли меня гдѣ прежде; но, удостовѣрясь, что лицо мое ей совершенно незнакомо, весело улыбнулась и сдѣлала намъ всѣмъ знакъ рукой, чтобы мы слѣдовали за ней въ саклю.

Опишу здѣсь первое впечатлѣніе, которое она произвела на меня: говорятъ, что оно бываетъ всегда самое вѣрное. Судя по росту и по гибкости ея стана, это была молодая дѣвушка; по отсутствію же формъ и въ особенности по выраженію лица—совершенный ребенокъ: что-то дѣтское, что-то неоконченное было въ этихъ узкихъ плечахъ, въ этой плоской, еще неналившейся груди, которая была стянута серебряными застежками.

*

Тутъ къ сожалѣнію кончается рукопись, за сообщеніе которой приносимъ благодарность сыну автора, Сергію Николаевичу. По ней читатель можетъ познакомиться нѣсколькосо складомъ и образомъ мыслей человѣка, имѣвшаго несчастіе убить великаго поэта. Николай Соломоновичъ Мартыновъ (род. 9 Октября 1815, ум. 15 Декабря 1875, любимый и уважаемый въ кругу людей его знавшихъ, всю остальную жизнь свою страдалъ подъ тяжестію горя, имъ причиненнаго Россіи. Говорятъ, что наканунѣ поединка Лермонтовъ восклицалъ: „у меня рука на него не подымется; но эти слова не были переданы Мартынову подъ гнетомъ. Подождемъ полнаго и правдиваго разъясненія роковаго дѣла. П. Б.